Кузнецов А.А.

Доцент кафедры уголовного права Омской академии МВД России

Омск, Россия

doi 10.18411/gdsn-28-02-2017-06

idsp 000001:gdsn-28-02-2017-06

**Ответственность лиц, совершающих преступления с использованием
служебного положения, по уголовному законодательству некоторых
зарубежных стран**

В середине XX в. зарубежные исследователи отождествляли экономическую преступность с преступностью так называемых «белых воротничков». Этот термин был введен в криминологию американским профессором Э. Сатерлендом. Он рассматривал «беловоротничковую» преступность как самостоятельную форму преступности, отличающуюся от «обычной», «традиционной». Данное им в 1939 г. определение этого вида преступности предполагало включение в него преступлений, совершаемых respectable лицами, занимающими высокое социальное положение, в процессе своей профессиональной деятельности. Ученый прежде всего рассматривал незаконную деятельность корпораций и таким образом появился новый тип преступника, ранее неизвестный криминологической науке. Однако в дальнейшем в своих работах ученые постепенно отошли от этого понятия, так как в поле их зрения стали попадать и те преступники, которые занимали не столь высокое социальное положение, хотя их действия также причиняли ущерб экономике. В последних работах круг исследования преступных деяний, совершаемых в ходе профессиональной деятельности, был существенно расширен. Неизменным оставался критерий ущерба, причиняемого экономике государства в целом, и в том числе частнопредпринимательской деятельности. При этом сложилось понятие «экономическая преступность», а преступления, совершаемые «белыми воротничками», стали лишь ее частью.

Анализируя уголовно-правовые нормы, регулирующие ответственность за преступления, совершаемые с использованием своего служебного положения, представляется необходимым сосредоточить внимание на правовом регулировании отношений, которые складываются при совершении деяний, причиняющих особенно значительный ущерб и оказывающих существенное влияние на общую картину преступности.

Так, в США к числу рассматриваемых видов, точнее, групп преступлений, относят, например, следующие: взяточничество, мошеннические махинации

«белых воротничков» (в том числе и преступления, совершаемые ими с использованием служебного положения), налоговые преступления, нарушения законодательства в области охраны окружающей среды и некоторые другие. В рамках настоящего исследования наибольший интерес представляют первые две группы преступлений, тем более, что на их примере можно видеть один из путей решения обозначенной выше проблемы.

Говоря о взяточничестве, следует отметить, что в американском уголовном законодательстве и в уголовно-правовой доктрине принято различать четыре основные формы этого преступления: 1) собственно взяточничество, представляющее собой посягательство на деятельность публичной администрации; 2) так называемое коммерческое взяточничество; 3) взяточничество, связанное с деятельностью профсоюзов; 4) взяточничество в области спорта. Этими видами отнюдь не исчерпывается коррупция, но с точки зрения законодателя и на федеральном, и на уровне штатов эти четыре сферы деятельности представляются наиболее существенными и заслуживающими того, чтобы подкуп лиц, занимающих в них соответствующее положение, стал объектом уголовного преследования.

Наиболее подробно в американском законодательстве изложены нормы, регулирующие ответственность за взяточничество в сфере деятельности публичной администрации. Общеупотребительный термин «публичный служащий» разъясняется применительно к данной категории преступлений в п. 7 ст. 240.00 Примерного Уголовного кодекса: Публичный служащий – это любое должностное лицо или служащий государства, включая законодателей и судей, и любое лицо, принимающее участие в осуществлении государственной функции в качестве присяжного заседателя, советника или консультанта или в каком-либо ином качестве.

Как должностное преступление рассматривается также злоупотребление служебным положением публичными и частными банковскими контролерами. Наряду с публичными служащими уголовную ответственность за должностные преступления несут партийные чиновники.

Что касается служащих, которые крадут имущество в учреждениях или на предприятиях, где они работают, не будучи законными распорядителями этого имущества, то их преступления подпадают под признаки обычной кражи и подлежат квалификации в качестве таковой (например, действия служащих аэропорта, похищающих перевозимые грузы, или клерка, включающего в ведомость на заработную плату фиктивные фамилии, и т. п.). Однако, как признают американские исследователи, раскрытие таких преступлений оказывается настолько сложной задачей, что многие фирмы вообще отказываются от попыток борьбы с ними и предпочитают перекладывать убытки от них на потребителей.

Нужно сказать, что в американских условиях очень сложным оказывается вопрос об отличии мошенничества как традиционного посягательства против собственности от одного из преступлений «белых воротничков». Так же остро

стоит проблема разграничения мошеннической деятельности и обычной деловой практики бизнесменов. Границы понятия обмана подвижны и изменяются по мере развития «этики бизнеса», которая время от времени заставляет законодателей признавать мошенничеством тот или иной вид «деловой активности». Ни американской доктрине уголовного права, ни судебной практике не удастся выработать достаточно четких критериев такого разграничения.

Следует сказать, что законодательство в области борьбы с преступлениями, совершаемыми служащими коммерческих и иных организаций, определяется в основном особенностью развития экономики США, которая состоит в том, что государственное регулирование частнопредпринимательской деятельности в разные временные периоды осуществляется неодинаково. Происходит то усиление контроля со стороны государства, то его ослабление, что зависит от уровня развития экономики. В отличие от западноевропейских стран, в США никогда не был значительным государственный сектор, не осуществлялась крупномасштабная национализация, в соответствии с которой государственное регулирование преобразовывалось бы в его прямое управление. Американское правительство никогда широко не применяло политику поощрения картелизации, используемую другими странами в целях усиления своих позиций в конкурентной борьбе на мировом рынке.

Это происходит прежде всего потому, что законодательства стран Запада по-разному определяют круг деяний, относимых к должностным преступлениям. При этом важную роль играет понятие должностного лица. Дело в том, что традиционно доктрина уголовного права исходит из построения особенной части уголовного кодекса в соответствии с системой объектов преступления. В этом смысле должностные преступления существенно отличаются от других групп преступлений, поскольку для их квалификации важны особенности не только объекта, но и субъекта преступления. Естественно, что разная трактовка понятия должностного лица может приводить к самым различным определениям круга деяний, относимых к должностным преступлениям. Подчас их трудно отличить от иных преступлений, составы которых определены в других разделах. В основном это касается преступлений, совершаемых служащими коммерческих организаций, наделенными в этих структурах управленческими полномочиями. На пути решения возникающих здесь вопросов возможны различные варианты, о чем свидетельствует опыт развитых капиталистических стран. Причем законодатели отдельных государств нередко меняют свои позиции, сокращая или, напротив, расширяя круг должностных преступлений.

Особый интерес вызывает законодательство тех стран, где были разработаны и приняты новые уголовные кодексы.

Так, в 1992 г. был принят новый УК во Франции. Он пришел на смену классическому наполеоновскому Кодексу 1810 г. Не всегда бесспорными

являются многие новеллы этого Кодекса, однако, они интересны и заслуживают внимания. В нем существенное изменение претерпели нормы, относящиеся к должностным преступлениям. Новый УК вывел из числа должностных преступлений злоупотребление доверием, совершаемое государственными служащими. Отделение I «О злоупотреблении доверием» главы IV содержит нормы, предусматривающие уголовную ответственность за злоупотребление доверием должностными лицами (ст. 314-3 УК) и злоупотребление доверием руководителями или служащими какого-либо промышленного или коммерческого предприятия (ст. 314-2). Интересно, что, с одной стороны, законодатель разграничивает эти преступления, предусматривая две отдельных нормы, с другой, помещает их в одной главе. В отличие от руководителей и служащих промышленных или коммерческих предприятий, которые в соответствии со ст. 314-2 несут наказание в виде лишения свободы до 7 лет, должностные лица, согласно ст. 314-3 УК, несут более строгую ответственность за это преступление. Они наказываются тюремным заключением на срок до 10 лет.

Интерес представляют также нормы главы II «О посягательствах на государственные органы управления, совершенных лицами, находящимися на государственной службе». Так, в отделе 3 «О нарушении долга честности» § 3 «О незаконном получении выгод» в примечании к ст. 432-13, предусматривающей уголовную ответственность публичных должностных лиц за «любое участие в форме работы, консультаций или же капиталов в частном предприятии», указывается, что в смысле настоящей статьи «к частному предприятию приравнивается любое государственное предприятие, осуществляющее свою деятельность в секторе, в котором существует конкуренция, и в соответствии с нормами частного права». Далее говорится о том, что эти положения применимы к сотрудникам государственных учреждений, национализированных предприятий, компаний смешанной экономики, в которых государству или государственным органам принадлежат непосредственно или косвенно более 50% капитала, и государственных фирм по предоставлению услуг связи, относящимся к государственной службе связи. Таким образом, законодатель выводит из числа субъектов данного преступления служащих указанных выше коммерческих предприятий.

Что касается уголовного законодательства других развитых капиталистических стран, то вопрос о разграничении преступлений, совершаемых должностными лицами коммерческих и иных организаций и служащими государственного аппарата, решается также не однозначно.

Например, в Италии в 1990 г. был принят Закон № 86, внесший значительные изменения в главу Уголовного кодекса о должностных преступлениях. В соответствии с этим Законом, в частности, введен новый состав преступления (ст. 316-2) – растрата, нанеся ущерб государству. Субъектом данного преступления является не должностное лицо, а лицо, злоупотребившее государственными средствами. Оно подлежит уголовной

ответственности, если, получив от государства или публичного учреждения денежные средства, предназначавшиеся для выполнения задач или развития деятельности общественного интереса, использует их по другому назначению. Таким образом, к уголовной ответственности по данной статье может быть привлечено любое частное лицо, в том числе и служащий коммерческой (некоммерческой) организации.

Закон 1990 г. определил должностное лицо, к которому применяются положения УК, как лицо, которое выполняет законодательные, судебные либо административные функции. В соответствии со ст. 358 УК Италии уголовной ответственности за должностное преступление подлежат также лица, исполняющие обязанности должностного лица под любым титулом.

Кроме того, субъектом ответственности за должностные преступления являются лица, несущие службу, связанную с общественной необходимостью (ст. 359 УК). К ним относятся частные лица, занимающиеся адвокатской практикой или осуществляющие деятельность в санитарной сфере, а также любой другой профессией, которая без специального разрешения государства запрещена. Сюда же отнесены частные лица, выполняющие функцию, определенную как функцию общественной необходимости в нормативном акте, изданном публичной администрацией.

Если согласно определению должностного лица, данному в прежней редакции главы УК Италии о должностных преступлениях, к таковым относились и служащие государственных предприятий, что представляется не совсем оправданным, то приравнивание ответственности частных лиц, несущих службу общественной необходимости, к ответственности государственных служащих, то новый закон еще более расширяет круг субъектов должностных преступлений. Думается, что такое решение вопроса является не совсем верным, так как действия частных лиц и действия государственных служащих различны по своей социальной сущности и юридическим последствиям.

Тенденция приравнивания ответственности служащих в коммерческих организациях к ответственности служащих государственных учреждений в настоящее время наблюдается в Уголовном кодексе Российской Федерации. Так, в 2015 году были внесены изменения в примечание к ст. 285 УК РФ, в соответствии с которыми к должностным лицам приравниваются лица, выполняющие соответствующие функции в государственных и муниципальных учреждениях, государственных компаниях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит государству.

Трудно не согласиться с французским правоведом М. Анселем, писавшим, что изучение зарубежного права открывает перед юристом новые горизонты, позволяя ему лучше узнать право своей страны, ибо специфические черты этого права особенно отчетливо выявляются в сравнении с другими системами. Сравнение способно вооружить юриста идеями и аргументами, которые нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права.

References

1. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права. – М., 1981.
2. Государство и управление в США. – М., 1985.
3. Дементьева Е. Е. Экономическая преступность и борьба с ней в странах с развитой рыночной экономикой (на материалах США и Германии) // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. – М., 1992. – Вып. 5.
4. Никифоров Б. С., Решетников Ф. М. Современное американское уголовное право. – М.: Наука, 1990.
5. Новый уголовный кодекс Франции. – М., 1993.
6. Ответственность за должностные преступления в зарубежных странах. – М., 1994.
7. Примерный уголовный кодекс США / под ред. Б. С. Никифорова. – М., 1969.